DOI: 10.7816/idil-01-03-05

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ: НОВАЯ ПАРАДИГМАЛЬНАЯ ИДЕЯ ИЛИ ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ? (НА ПРИМЕРЕ КАТЕГОРИИ СРАВНЕНИЯ)

Чеботарева Светлана Вячеславовна [1]

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена закономерности становления новой антропоцентрической лингвистической и общенаучной парадигмы, позволяющей и требующей изучения всех лингвистических категорий с позиций антропоцентризма. В работе затрагивается вопрос о человеке как главной величине лингвистической системы категории сравнения.

Ключевые слова: Антропоцентризм, Антропоцентрическая Парадигма, Сравнение, Возможный мир, Ментальное.

[1] Соискатель кафедры русского языка и общего языкознания Липецкого государственного педагогического университета (Россия), журналист, член Союза журналистов России, jasenija@yandex.ru

ANTHROPOCENTRIC SITUATION OF MODERN LINGUISTICS: IS IT A NEW PARADIGMAL IDEA OR IT'S RETURN TO BASIS?

Doç. Dr. Svetlana CHEBOTARJOVA[2]

ABSTRACT

The article is devoted to regularity of formation of a new anthropocentric linguistic and general scientific paradigm permitting and demanding studying of all linguistic categories from a position of anthropocentrism. The question of the person as the main measure of a linguistic system of the category of comparison is touched upon in the paper.

Keywords: Anthropocentrism, Anthropocentric paradigm, Comparison, Possible world, Mental.

[2] Lipetsk State Pedagogical University, Russia, jasenija@yandex.ru.

Развитие есть движение. Поступательное, плавное, волнообразное или, напротив, скачкообразное, ставящее под сомнение или вовсе отрицающее основополагающие концепции, установки предшествующих эволюционных периодов (новые направления и школы часто начинаются с отрицания традиций; парадоксально, что новые установки столь же часто оказываются взаимодополнительными с прежними, а не взаимоисключающими). Смысл научной рефлексии состоит не в том, чтобы решить, наконец, с твердой неоспоримостью, какая из траекторий ровнее, четче, какой из способов движения достойнее. Истина, скорее, в осознании необходимости самих путей развития и в осмыслении их. Истина – в непрестанном движении.

Методологическую основу хода историко–лингвистической эволюции обычно связывают со сменой научных доминант, или парадигм, «которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [Кун 1997; 11]. То есть под теоретической парадигмой показано понимать какую-либо концептуальную идею, приоритетную методологию, господствующую в течение определенного исторического периода в научном сообществе, или возрастание, приобретение одним или несколькими компонентами научной парадигмы доминирующего значения на данном этапе ее развития

В зависимости от основополагающей гипотезы процесса лингво–исторической делимитации, исследователями языка выделялись следующие сменяющий друг друга парадигмы: историческая, психологическая, системно–структурная и социальная [Караулов 1987; 11–27]; элементно–таксономическая, системно–структурная, номинативно–прагматическая [Ломов 1994; 7–19]; сравнительно–историческая, структурная, генеративная [Кубрякова 1995; 149–283]; имманентно–семиологическая, антропологическая, теантропокосмическая (трансцендентальная) [Постовалова 1999; 25–34]; семантическая («философия имени»), синтаксическая («философия предиката»), прагматическая («философия эгоцентрических слов») [Степанов 1985].

Так или иначе, обозначенные исследователями парадигмы отражают реальный процесс поисков «от устремлений к «чистой форме» до всеобщего поворота к семантике, к изучению языкового акта во всех его слагаемых, с доминирующим интересом к говорящей личности...» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004; 9], который пережила лингвистика в минувшем столетии. И, конечно, смена лингвистических парадигм не происходит одномоментно, и парадигмы не имеют, как отмечают некоторые лингвисты [Косарик 1995; 104–

116, Караулов 1987; 15], четко обозначенные границы. Их становлению всегда предшествуют разные по временной протяженности межпарадигматические периоды накопления идей, которые впоследствии могут стать парадигмообразующими.

Так, принцип, заложенный В. фон Гумбольдтом в основу учения о человеке (сравнительной, всеобщей и философской антропологии), рассматривавшим язык с точки зрения его изначальной и фундаментальной связи с человеком и полагавшим, что изучение языка подчинено «цели познания человеком самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя» [Гумбольдт 1985; 383], – этот «антропологический принцип» требовал выражения человека посредством языка и изучения «человека в языке» (Э. Бенвенист). Впоследствии, популяризированный и получивший научную легитимность в середине 70-х годов XX века, благодаря работе Ю.С. Степанова [Степанов 1975], антропоцентризм как принцип современной лингвистики в конце 80-х – начале 90-х годов XX века приобрел не просто особую актуальность в сфере наук о человеке и языке, но явился базисным в лингвофилософской теории языка и положил начало новой антропологической парадигме гуманитарного знания.

Полагая главным недостатком предшествующих этапов научных эволюций человеческую элиминацию, антропологическая парадигма провозгласила своей методологической задачей «реабилитацию» субъекта со всеми исходящими из этого последствиями. Так, антропоцентризм (от греч. ἄνθρωπος – человек, лат. centrum – центр) и как общегуманитарное направление, деэмансипировав человека и науку, поставил человека homo mensura (мерой вещей, используя выражение Протагора) научного познания. Вследствие этого каждая теория, идея, факт, единица пропускается сквозь призму человеческого фактора. Иными совами, «человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, он вовлечён в этот анализ, определяя его перспективы и конечные цели» [Кубрякова 1995; 212] или «...человек борется здесь за позицию такого сущего, которое всему сущему задает меру и предписывает норму» [Хайдеггер 1986; 104].

И здесь нам необходимо осмыслить два положения. Первое, это то, что облигаторность человеческого фактора в данном случае не сводима к некой догматической идеологеме. Сциентическую идеологему можно создать на основе любой догматической идеи, если последняя рождена не в ходе логической или эволюционной детерминации (или и логической, и эволюционной вкупе), не в результате глубоких размышлений и свободы выбора. Ведь современная динамика социо- психо- лингвистических

процессов свидетельствует о том, что технологии не должны владеть человеком. И антропоцентрическая идея в силу своей природы должна исходить из человека или приводить к человеку, но не довлеть над ним. Так, в работе Ю.С. Степанова совершенно справедливо отмечается, что «мыслящая субстанция, «Я» (выделено мной. – С.Ч.) не менее властно требовала языка для описания состояния духа; более того, она требовала искать в самом языке скрытую основу – «Я» [Степанов, 1985; 93]. И, во-вторых (и частично исходя из этого), нам необходимо учитывать и то, что изменения в науке помимо общенаучных факторов, имеют причиной и вполне естественные законы изменения человеческого опыта, самосознания, миропонимания, которые, в свою очередь, ведут к осмыслению меняющихся реалий на новом витке развития. Эти два положения мы попытаемся обосновать ниже.

Идея антропоцентризма путем «ввода человека», заполнив зияющие лакуны научных парадигм, оказалась закономерной не только в смысле общенаучной пассионарности, но и релевантной, если вдуматься, в отношении мировой онтологии. Наш мир всегда представлял диалектическое единство человека и вселенной. С момента возникновения человека на земле, с первых попыток его самоосмысления, пусть даже самых примитивных, перед ним неизбежно возникал вопрос: на чем необходимо сделать акцент: на себе или на том, что находится за пределами собственного ego? На протяжении всей истории этот мировоззренческий маятник отклонялся то в сторону человеческого утверждения своего «Я», самоидентификации, то устремлялся в направлении аннигиляции человека в мире.

Антропоцентризм привнес понимание не простой абсолютизации человека, а необходимости именно диалектического взаимодействия его с миром, идею экспланаторности того, что происходит в мире через человека, понимание онтологической имманентности антропоцентризма нашему миру. Ведь мир столь же объективен, сколь и субъективен. Не бывает объективной реальности, оторванной от субъективной в том смысле, что человек всегда накладывает определенную модальность на реальность, задавая ее собственное видение. Ведь то, что принято считать реальностью, есть отражение объективного мира, существующего не только по физическим законам, но и по законам представления о нём человека. Не данный нам в неоспоримой и непосредственной форм: мир существует не столько таким, какой он есть, а таким, какие мы есть. Иными словами, он существует в человеческом восприятии и человеком творчески модифицируем, так как человек «является единственно известным в настоящее время существом, познающем закономерности окружающего мира и на основе этих знаний целенаправленно его преобразующим» [Зобова 1993; 14].

Более того, сама тенденция становления нашего мира, видимо, состоит в растущей самоцельности всякого рода человеческого бытия. Первоначально эта самоцельность (равно и самоценность) имела аксиологическую легитимность лишь в сохранении человека как биологического рода. Постепенно человек, будучи существом самопрогрессирующим, осознавая и преодолевая те препятствия, которые налагала на него его социально–биологическая природа, освобождаясь и выходя за пределы естественно–биологических, а впоследствии: мифологических, натурфилософских, религиозно–креационистских, материалистических воззрений, определяющих бытие и сознание homo sapiens в каждый конкретный эволюционный отрезок, двигался к самосознаванию и самоутверждению своего «я».

Отделяясь от природы, развиваясь от субъекта эмпирического к субъекту познающему и осознающему, человек ищет точку опоры вовне, а в себе самом. (Филогенетическое развитие, коему каждый свидетель, подтверждает и закономерности онтогенеза: человек первоначально познает окружающий мир, а лишь впоследствии открывает и выражает себя). Он начинает репрезентировать себя посредством продуктов своей деятельности, артефактов, тем самым, приближаясь к пониманию, что между творцом (автором) и творением (произведением) нет и не может быть какого-либо барьера.

Созданное человеком – это будто его имманация, свидетельство самого себя, отпечаток, если угодно. Очевидно, что создать прекрасное произведение означает то же, что и стать прекрасным самому, потому что между автором и творением отсутствует нравственный барьер. Скорее, именно отсюда идет наше стремление создания собственного образа через различные сферы приложения и формы выражения человеческого «я» посредством того, что традиционно считалось «человеческим». А в чем состоит человечность человека и каковы ее сущностные константы?

На эти вопросы пытались ответить в сферах литературы, истории, философии, искусства. Особых успехов в их разработке достигла русская литература XIX (Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский и др.) А на рубеже XIX – XX веков в мире были сделаны шаги на пути создания общей религиозно-философской концепции человека. На западе это нашло отражение в развитии основных положений экзистенциальной философии, или философии существования (С. Кьеркегор – в Дании, а вслед за ним: К. Ясперс и М. Хайдеггер – в Германии, Г. Марсель, Ж.–П. Сартр, А. Камю – во Франции, Н. Аббаньяно – в Италии, У. Баррет – в США).

Экзистенциальное сознание направлено на осмысление самого себя: существование человека предшествует сущности (миру). Экзистенциализм тем самым создает, по сути, новую картину мира с характерным тотальным отчуждением личности, смыслоутратой, самоуглублением и кумуляцией единичности личности в непредсказуемости и вместе с тем абсурдности цикличной действительности. Такое мироощущение и самопонимание было характерно для исторической ситуации рубежа XIX – XX веков.

В России была сделана собственная попытка обобщить, синтезировать все подходы к человеку, выработанные в сфере религии (преимущественно христианской) в работах Вл. Соловьева, И. Федорова, Н. Бердяева, Л. Шестова и других представителей «русского культурного Ренессанса» (термин Н. Бердяева).

Позиции как российских, так и зарубежных авторов при всей индивидуальности имели, в целом, единый концептуальный вектор: очеловеченность человека заключена в его существе, в тех перцепциях, интимных переживаниях, которые присущи только человеку, в даре свободного выбора и, следовательно, в способностях к творчеству, которое по природе своей свободно, как свободен и сам человек, «тот, Единственный» (С. Кьеркегор), «обладающий свободой мысли» (Ж.-П. Сартр) и, конечно же, в языке, как в изъяснении самого себя, своей сокровенной сути.

Эта философская интерлюдия необходима нам для того, чтобы отметить истоки антропоцентризма, которые берут свое начало в экзистенциализме. Иными словами, общефилософская тенденция очеловечивания человека и мира (прерогатива экзистенциализма состоит в том, чтобы, взаимодействуя с миром, творить мир, но не дать ему изменить себя, потому что человек инициален миру, а не наоборот) привела к возникновению антропоцентризма.

Из всего этого ожидается, что пафос антропоцентризма и исходящие из него ценностные и методологические установки состоят в том, чтобы предложить наиболее эксплицитную интерпретацию того, что происходит в мире через человека. Примером экстраполирования и последовательного воплощения данного пафоса является антропоцентрическая концепция современного языкознания, впитавшая идеи Ф. фон Гумбольдта о языке как о феномене, лежащем «между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [Гумбольдт 1984; 304].

Задачей лингвистики на новом стадиальном витке развития является не столько изучение структуры langue («языка в себе и для себя» Ф. де Соссюра),

то есть описание лингвистических конструктов, отчужденное от личности носителя языка, но анализ эмпирического материала в аспекте представленности «человеческого фактора в языке», тем самым стремясь придать человеческую интерпретацию как можно большему количеству языковых явлений и шире – придать «процессу «оформления мира» (категоризации, ментализации, концептуализации. – С.Ч.) посредством языка объяснительную силу» [Фрумкина 2003; 265]. А с другой стороны, необходимо понять природу языка и дать ей объяснение, исходя из мира человека. «Поэтому универсальным концептом объявлен человек и описание этого важнейшего суперпонятия... является задачей антропоцентрической лингвистики» [Багаутдинова 2006; 4.]

Как писал французский языковед А. Мартине: «Лингвистика – наука без предписаний, однако она должна быть объективной» [Martinet 1963; 368]. Подкрепляя это выражение контекстом современной лингвистической ситуации, можно утверждать, что предписания языку возможны, оправданы и даже желательны только тогда, когда они обусловлены законами самого языкового функционирования и не противоречат естественной «физике» процессов.

На сегодня совершенно очевидно, что формированию антропоцентрического взгляда на лингвистические сущности способствует аккумулирование предшествующего лингвистического опыта и дальнейшее его развитие, а где–то и переоценка позиций в унисон понимания природы языка в аспекте performance, с естественным поворотом к человеку говорящему/слушающему: к Homo Loguens, к языковой личности (термин Ю.Н. Караулова), поскольку «адекватное изучение языка (языка как «созидательного процесса» (Гумбольдт). – С.Ч.) должно производиться в тесной связи с сознанием и мышлением человека (выделено мной. – С.Ч.), его культурной и духовной жизнью» [Рамишвили 2000; 123], ибо очевидно, что язык без человека представляет собой явление столь же странное, что и человек без языка; «язык, таким образом, необходимо принадлежит самому определению человека» [Бенвенист 1974; 293], будучи, по выражению М. Цветаевой, частью «человечьей доли», частью, с которой личность связана особым образом: посредством репрезентации себя самой.

Перефразируя известную мысль Галилея о природе как о послании потомкам, написанном языком математики, можно сказать, что человек в своей социальной практике, адресованной другим людям, представляет собой послание, написанное языком культуры и на языке. Так, человек является активным отправителем своего сообщения, которым является он сам, и смысл

жизненных актов одного человека всегда существует на стороне другого (других): дешифровщика, реципиента. Это дает основание применения известной схемы Р. Якобсона [Якобсон 1975; 198]: адресант – адресат, коммуникативно связанные посредством языкового кода при определенном контексте, его же мыслей о необходимости синхронизации компонентов языкового кода адресанта и адресата для достижения коммуникативного взаимодействия [Якобсон 1990; 194], философии грамматики О. Есперсена с ее «говорящим и слушателем» [Есперсен 1958; 15], концепции субъективности, заключенной в диалектическом единстве я/ты Э. Бенвениста [Бенвенист 1974; 293–294], диалогической теории высказывания М.М. Бахтина [Бахтин 1972, 1986], коммуникативных взглядов С.Л. Рубинштейна [Рубинштейн 1946], теории языковой личности Ю.Н. Караулова [Караулов 1987], «фактора адресата» Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 198; 356–367], общности «массива готовых представлений» при «информационном обмене» коммуникантов Маккея [MacKay 1952; 183] и других коммуникативно-прагматических концепций современной лингвистики и теории информации.

В своей работе мы коснемся одной из самых «антропоемких» лингвистических категорий – категории сравнения. Бросая ретроспективный взгляд на исследование данного явления, странным и непостижимым выглядит тот факт, что, несмотря на стремление понять феноменологическую сущность сравнения в различных областях гуманитарного знания: философии, литературоведении, герменевтике, логике, психологии, психоанализе, социологии, культурологии, риторике и ряда других антропоориентированных наук до сих пор нет убедительного объяснения феномена сравнения в лингвистике.

В филологии сравнение изучалось литерауроведением, не считавшим своей компетенцией (и справедливо таковой не являющейся) изучение тонкостей архитектоники и порождения сравнительного высказывания, видя в сравнении форму поэтической речи, «вид тропа... основанный на сопоставлении одного явления или предмета с другим». Литературоведение отдавало явное предпочтение в своих штудиях метафоре, рассматривая её так же в качестве компаративного тропа. Однако тому факту, что в основе данного тропа лежит ментальная операция, когнитивный механизм, требующий изучения, и самому изучению соответственно, литературоведение не уделяло внимание в силу своей научной специфики.

Необходимо понять, что сравнение, имеет когнитивный модус существования. В докторском сочинении С.К. Гаспарян содержится особенно ценный для нас вывод, сделанный на основании пусть не когнитивного, а

семантического сопоставительного анализа компонентов сравнения и метафоры: «Метафору... относим к языку, а сравнение – к мышлению» [Гаспарян 1994; 45]. В работе А. Ричардса также находим корреспондирующее с данным высказыванием суждение о том, что «метафорична сама мысль, она развивается через сравнении, и отсюда возникают метафоры в языке» [Ричардс, 1990; 47].

Из этого очевидно, что, с одной стороны, сравнение и как когнитивный механизм, репрезентируемый различными синтаксическими конструкциями, и как некий концепт, связанный с идеей сравнения, выходит за пределы языка в соссюровском понимании этого слова, но с другой стороны, оно может быть объяснено только через язык и речь. Это делает очень нетривиальной задачу адекватного лингвистического описания феномена сравнения, но не отменяет самой задачи.

Итак, отталкиваясь от методолого-идеологической установки антропологической лингвистики о порождении высказываний и от постулата ее когнитивного ответвления о том, что человек по природе своей склонен к виртуализации мира, к удвоению, утроению и дальнейшему созданию n-мерного пространства, обратимся к сложноподчиненным предложениям, выражающим сравнительные отношения как к экспликатору идеи сравнения в языке. Ведь именно эти предложения отражают человеческую способность размышлять об ирреальных категориях и создавать иные мыслительные пространства.

Минимальные сложные предложения в сравнительных конструкциях предлагается нами рассмотреть несколько в другом, «человеческом» ракурсе, нежели раньше, а именно, как дифференцируемые по нескольким типам референтным ситуаций. Семантическая природа этих ситуаций определяется не только отношениями между частями сложного предложения, но и предполагает психологическую реальность глубинных (внеязыковых) ментальных структур, лежащих в их основании.

Определимся с типами отношений и с природой референции, выделив некоторые закономерности взаимодействия референтных ситуаций:

Первую группу составляют предложения, построенные по модели: «мир реален, актанты реальные, правила поведения в мире реальные»: В том месте, где он стоял, лес чуть светился, будто там догорал костер. (Паустовский) Журналисты так суетились, будто промедление им грозило наказанием военного трибунала (Алексин) В данном случае «двоемирие» возникает путем

наложения, совмещения двух ситуаций (реальной и порожденной опорой на ассоциативный референт). Пример продуцирования мира «реальных аналогий».

Ко второй группе отнесем предложения, в основе которых лежит модель «Мир как бы реален, актанты нереальные, правила поведения в мире реальные» (человеческие). Например, «От жары тлели торфяные болота вокруг Москвы, и по вечерам в воздухе стояла гарь, смешанная с теплым парующим духом удаленных колхозов и полей, точно всюду в природе готовили пищу на ужин» (Платонов). Вторая ситуация целиком вымышлена. Она использована автором для выражения «идеированного образа» (Лосев). То есть некоторого вымышленного пространства, которое возникает в творческом сознании продуцента. Он структурируется сложными ассоциативными коннотациями.

Третья модель может быть определена как «Мир искажен, актанты реальные, правила поведения – реальные»: Я таю сам, как тает снег (Пастернак). Действительная ситуация мыслится и представляется внешне как ирреальная, но для себя она требует абсолютно нефантастического сравнения.

Так, при сравнении мы полагаем в качестве реальности то, что нам не дано в непосредственной эмпирии. Образ во всех случаях рождается на границе двух референтных ситуаций. И граница эта находится внутри человека. Если говорить конкретно о месте генерации образов, то сравнение происходит с помощью и посредством правого полушария головного мозга, «отвечающего» за образную деятельность, и «выходит на поверхность за счет физиологии левого полушария. Таким образом, когда мы пытаемся объяснить сравнение не с помощью описания схем, а пытаясь понять механизм порождения сравнительного высказывания, наш путь представляется как возвращение к себе, в глубину себя, к человеческим истокам. Возможность такого понимания дают нам расширенные возможности антропологической парадигмы, полагающей основной точкой отсчета человека.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Нина Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1981. – Т. 40. – Вып. 4. – С. 356–367.

Багаутдинова Гузель Человек во фразеологии: антропоцентрический и аксиологический аспекты: автореф. дис. ... докт. филолог. наук. – Казань, 2006. – 44 с.

Бахтин Михаил Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Художественная литература, 1972. – 318 с.

Бахтин Михаил Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 444с.

Бенвенист Эмиль Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.

Гаспарян С. Сравнение как «Изъяснение» в научной речи и как средство лингвопоэтического творчества в художественной литературе: дис. ... докт. филол. наук. – М., 1994. – 334 с.

Гумбольдт Вильгельм фон. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 451с.

Есперсен Отто Философии грамматики. – М.: Иностранная литература, 1958, – 400 с.

Зобова Мария Проблема антропоцентризма в современной космогонии и научном мировоззрении: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – СПб, 1993. – 21 с.

Золотова Галина Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова – М.: Наука, 2004. – 544 с.

Караулов Юрий Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 261 с.

Косарик Марина К проблеме традиции и инновации в истории языкознания. Ренессансная и современная лингвистические парадигмы. Связь эпох // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 1995. – № 5. – С. 104–116.

Кубрякова Елена Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века / Под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Наука, 1995. – С. 149 – 238.

Кун Томас Структура научных революций. Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.

Ломов Анатолий Типология русского предложения. – Воронеж: Изд-во Воронежского государственного ун-та, 1994. – 280с.

Постовалова Валентина Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ со сменой фразеологии) // Фразеология в контексте культуры.– М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 25–34.

Рамишвили Г. Гумбольтианство // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – С. 123–124.

Ричардс А. Философия риторики // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 44–67.

Рубинштейн Сергей Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2000. – 712 с.

Степанов Юрий В трёхмерном пространстве языка (семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства). – М.: Наука, 1985. – 335 с.

Хайдеггер Мартин Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 93–119.

Фрумкина Ребекка Психолингвистика: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 320 с.

Якобсон Роман Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975 . – С. 193–230.

Якобсон Роман Два аспекта языка и два типа афатических нарушений //Теория метафоры: СПб.; М.: Прогресс, 1990. – С. 110–132.

MacKay D.M. In search of basis symbols. – “Cybernetics”, Transactions of Eighth Conference. New York. 1952. – P. 182–188.

Martinet A. Elements de Lingvistigue generale // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1963. – Вып. III.